

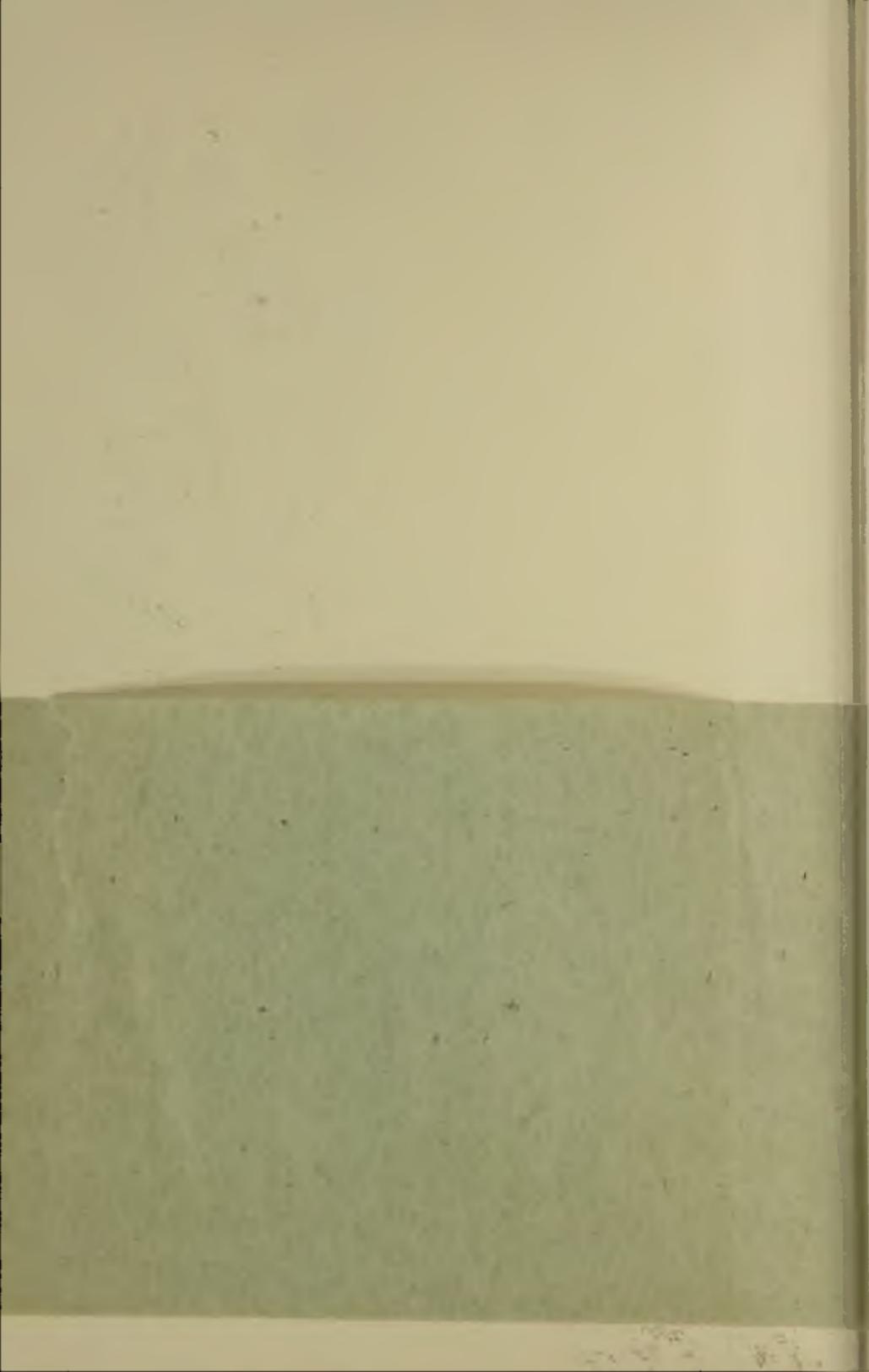
Людмила
ВЕТРОВА

184 (2 Pac = P. 96)
B. 39

Ведьмин

круг

Людмила Ветрова

ВЕДЬМИН КРУГ

Стихи

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека	обяза- тельный экз.
--	---------------------------

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека	КО
--	----

г. Советский
2000 г.

- 61464 -

84(2Рос=Рус)6-5

К ББК 84Р6
В 39

**Первая книга молодой поэтессы
из города Советский**

Автор выражает глубокую
признательность администрации
Советского района и лично Павлу
Митрофанову за финансовую помощь в
издании книги.

ISBN 5-94007-002-7

УП ХМАО «Советская типография»

ОТ АВТОРА

Я родилась в Казахстане в 1965 году. Мне повезло: природа, окружающая меня, с детства рождает во мне поэтические образы.

Зерендинский район – это край лесов и озер. Они прекрасны своим величием и красотой, своим постоянством и вечным обновлением. Это ли не повод для стихов?

Детство. Еще с трудом понимаешь, что тебя тревожит, не находишь нужных слов, но чувствуешь, что хочется сказать сразу обо всем и всерьез. Тогда рождались мои первые стихи.

Мир для меня – это живое существо, со своим характером, бытом, судьбой. Не знаю, сотворен ли он Богом или движением атомов, но то, что он способен молчать, гневаться, ждать, я знаю точно. Наверное, поэтому мои стихи часто говорят о мире, как о живом. А разве может быть иначе?

И нам лишь остается увидеть, услышать, не растерять то, что вокруг нас.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег, как первый грех,
Всеми узанный,
Неожиданный для всех,
Необузданный.
Словно не было ему роду - племени,
Словно ранний гость в дому
Не ко времени.
И плевать ему на всех,
Он пошел плясать
И на этих, и на тех
Белый пух бросать.
Как юродивый плясал
И не прятался,
Что-то главное познал
И расплакался.
И пророчил, и грозил
Лютым холодом,
И по лужицам скользил
Тонко скованным.
Лишь одно и понимал,
Что свободен.
А когда кружить устал,
Умер в полдень.

НАЧАЛО

Июльский ветер треплет тополя,
Целует листья жарко, неотвязно.
Они усталостью своей прекрасны.
Их, отлюбивших, призовет земля.

Потом опять, рождаясь из ветвей,
Они скрипят зеленым перволистом,
Их горький пот проявится лучисто
Всего на несколько весенних теплых дней.

Их темнозелень выкрасит, не спросит,
Июльский полдень жаром опалит,
В них ветер влюбится, сорвет и закружит,
Потом опять на землю бросит.

Как просто, дивно и однообразно
Рождаются листья из века в век...
Зачем я не трава, а человек?
Мне не родиться дважды. И напрасно

Я жизнь свою вверяю небесам.
Они молчат бездонно и смиренно.
Я привыкаю к жизни постепенно,
Платя, согласно сроку, по счетам.

* * *

У судьбы два имени: Он, Она,
Две дороги пыльные без дождей,
Но судьба всеильная, как весна,
Приготовит третью еще трудней.

У судьбы два времени: было, есть,
А узнать о будущем не дано,
Календарь изорванный не прочесть,
Прошое не выбросить за окно.

У судьбы два прозвища: доля, жизнь,
Но куда б нелегкая ни несла,
Хоть и за соломинку, но держись,
И меня соломинка та спасла.

У судьбы два голоса: крик и смех.
С криками рожденные, в крик уйдем.
Захохочем грозами, но для тех,
Кто однажды встретится под дождем.

У судьбы два имени: Он, Она,
У судьбы два времени: было, есть,
Но во все столетия - времена
У судьбы две радости: жизнь и смерть.

СНЫ О ПРОШЛОМ

Мне не дают покоя эти сны.
В них вижу я, как будто в настоящем
Людей идущих только со спины,
Или, верней, куда-то уходящих.

Они идут угрюмою толпой,
Не оглянутся, не пойдут быстрее.
Что может быть нелепей и грустнее
Толпы людей, идущей пред тобой?

Не вижу лиц, а только плечи, плечи...
К ним не могу дотронуться рукой.
Они текут, просачиваясь в вечер,
И исчезают следом за толпой.

Но вот желание мое свершилось:
Я прикасаюсь пальцами к плащу,
А тут видение как будто растворилось,
И я, устав, опять его ищу.

Потом еще, еще – и бесконечность...
Рассыпавшись от теплых рук моих,
Они плывут в неласковую вечность,
Где нет, пожалуй, места для двоих.

Наверное, тебя я потеряла,
Наверное, все было так давно,
Что только сны хранят оригиналы,
Как старое безмолвное кино.

Но, если вдруг опять ты мне приснишься,
Пусть будет светлою нахлынувшая грусть.
Я буду ждать, когда ты повторишься
И, погрузив о прошлом, улыбнусь.

* * *

По краешку, по краю, по-над бездной
Скользящие несмелые шаги.
Без спроса, как пришла, так и исчезну,
В тугую мглу, где не видать ни зги.

Она сомкнется надо мной могилой.
Не страшно мне. Здесь вечность и покой.
Да, милый мой, мой безответный милый,
Мне все равно, где мне не быть с тобой.

На этом ли на свете, в преисподней.
Где нет тебя, там жизни тоже нет.
И да простят живущие сегодня
Мне мой такой бесхитростный секрет.

И да простят мне люди, если в силе,
Всю небоязнь по краешку скользить
И боль мою, и мысли о могиле...
Мне все равно, где мне с тобой не быть.

МОЛИТВА

Господи! Дай силы дотерпеть
И не храни от сладкого испуга,
Когда опять увидим мы друг друга,
Сойдя на землю через сотни лет.

Пусть будет боль израненного сердца
Стучать в висках растроченных веков.
Не дай мне, Бог, не испытать оков
Святой любви. Какое совершенство

Уметь любить и плакать, и прощать,
Идти в ночи, лицо подставив вьюге,
Дышать тобой, шутя судьбой играть,
На миг забывшись, утонуть друг в друге.

О Господи! Не погневлю тебя,
И с уст моих проклятье не сорвется,
Но в миг, когда исчезну я, любя,
Пусть чье-то сердце для любви проснется.

СОН ЭМИГРАНТА

Он предал друга, взяв его жену,
Он предал женщину, уйдя без объяснений,
Он предал нищую, но гордую страну,
Встав перед сытой жизнью на колени.

Он, никогда не знавший передряг,
Крещен попом угрюмым по старинке.
И первый вздох его, и первый шаг
Раскрашены, как детские картинки.

Чего желать еще? К его ногам
Удача падала сама, как девка.
Ему, уставшему не по годам,
Покой сулила золотая клетка.

И он вошел в нее, звеня ключом,
Она посверкивала и молчала
И под густым задумчивым плющом
Его порыв и совесть укачала.

И видел он тревожный белый сон,
В нем женщина металась и кричала,
Когда готовый к жизни эмбрион
Младенцем стал. Душа в него упала

Сиянием хрустально – голубым.
Он счастлив был. Еще бы полминуты...
Проснулся под забором золотым
От холода, отчаянья и смуты.

Кольцом забор. Он в клетку заключен
Сияньем теплым, золотым и жутким.

О чем же плачет этот «эмбрион»,
Когда кругом покой и незабудки?

О том, что предал друга и жену?
О том ли, что на волю нет возврата?
Как нет возврата в нищую страну,
В ту, над которой хохотал когда-то.

О чем молчит, качаясь под плющом,
Пытаясь выйти из-под прутьев узких?
Зачем звенит бессмысленным ключом
Счастливый первенец простых невытых русских?

ИДУТ ВЕТЕРАНЫ

Спокойно, нужными словами
Поставят их в почетный строй.
Их, исчезающих с годами,
Отметят красной полосой.

Плечом к плечу, не пряча сердца,
Они несли народам жизнь.
Вот и теперь под гром оркестра
Как дети за руки взялись.

Сыны земли, к земле склоняясь,
Они шагают не спеша,
Живут, как будто извиняясь
За то, что, память вороша,

Слеза невольно покатилась,
За стон ночной, неверный шаг,
За все, что с ними б ни случилось,
Кто, кроме них же, виноват?

Кто виноват, что их дорога
По этой жизни тяжела,
Что рано молодость ушла,
Оставив память у порога?

Они привыкли быть в тени,
Не требуя прямых ответов.
Их постаревшие сыны
Вертят в руках статьи бюджета.

Авось и им перепадет
За тупо ноющие раны.
С надеждой ветеран идет
Среди таких же ветеранов.

* * *

Любимый! Когда бы судьба тебе плыть
в неоглядном просторе,
я – море.
Когда ты устанешь, а жизни молитъ
не осмелишься просто,
я – остров.
Когда же тебя измотав и отхлынув,
волна расплеснется,
я – солнце.
Когда, умирая от зноя, ты клясться начнешь,
что невинен,
я – ливень.
Я море, любимый! Я остров!
Я солнце и ливень,
Я все, что захочешь, я все,
что ты сможешь принять.
Я – клятва твоя. Так клянись же!
Клянись, что невинен!
Прощаю тебя. А иначе
я – море опять!

* * *

Не отвечай вопросом на вопрос
И не впадай в нехитрое коварство.
Наивный. Ты душе моей принес
Под сладким медом горькое лекарство.

Не надо. Не обманывай меня,
Не уменьшай числа своих поклонниц
И не страшись бесовского огня
В глазах моих безумных от бессонниц.

Я ничего не стану говорить.
Приму твое наивное лукавство.
Мне так легко и сладко будет пить
Тобою сотворенное лекарство.

Переболев тобой, перекрещусь
И обрету свободу от безумья.
А если нет, то кошкой обернусь
И девять раз погибну в полнолуние.

* * *

Ты мой. Понимаешь? Мой.
Мой. Понимаешь ты это?
Словно землю рассветы
Я овладела тобой.

Помню, как ты умирал...
Я в тебя кровью вливалась,
Тихо в тебе растворялась,
Ты меня всю принимал.

Знай: я сильнее тебя.
Сопrotивляйся! Не можешь?
Этим уже не поможешь,
Только измучишь себя.

Знай: я огромней тебя.
Ты во мне пламенем спички.
Все твои сны и привычки
Я обратила в себя!

Я обратила в себя
Душу твою проливную.
Я тебя кровью врачую,
Перерождаю тебя.

Ты во мне маленькой болью,
Сладкою болью живешь.
Вырастешь, выйдешь на волю –
Душу мою разорвешь.

Будешь смеяться надменно,

Сладкую волю познав,
Или молчать суеверно,
Тело мое растоптав.

Только поймешь, что ты сделал,
Станешь опять умирать,
Но, без души и без тела,
Что я смогу тебе дать?

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

А ЗАВТРА?

Земля, предчувствуя удар,
Глаза от ужаса прикрыла.
И в небо ринулся пожар,
И пасть разинула могила.

Какой же лакомый кусок
Теперь готовят ей народы?
Кто это снова сделать смог?
Красавцы в фас, душой -- уроды.

Давно, пресытившись, война
Бросала кости под пороги.
Крестами новыми она
Опять мостит себе дороги.

Опять с улыбкой мертвеца
«Стучит могильною лопатой».
Спешит походкой вороватой.
Поет для красного словца

О долге, чести и порядке,
Что будет лучше, чем вчера,
Что будут тихи вечера,
Что всем сейчас, увы, несладко,

Что, что... А завтра что же будет?
Неужто крики матерей?
Какой же мир войной окупит
Слезу испуганных детей?

Кто раны на земле залижет,
Излечит души, вытрет пот?
И я почти уже не вижу
Того, кто завтра в жизнь придет.

* * *

Нехорош мой сон, на беду.
Неоглядна ночь и нема.
Я иду. По звездам иду,
А куда – не знаю сама.

Тихо ночь уходит в рассвет,
Отдавая землю лучам,
И скользит полуночи плед
По моим озябшим плечам.

Я поднять его не могу.
Мне себя не спрятать в ночи.
Я бегу. По звездам бегу,
Но все жарче солнца лучи.

Мне к звезде последней моей
Не успеть. Уже не успеть.
И шаги мои тяжелей,
И звезде не вечно гореть.

Нехорош мой сон, на беду.
Неоглядна ночь и нема.
В небо я по звездам уйду
И звездою стану сама.

* * *

Меня сто лет приговорили жить
Без права на покой и состраданье,
За то, что я осмелилась любить
И не искала оправданья.

Меня сто лет приговорили жить,
Чтобы потом от старости рехнуться
И никогда к рассудку не вернуться,
И старой ведьмой девкам ворожить.

Ну, что ж... Ко мне, любимицы утех!
Я вам раскрою карты без обмана,
Благословлю на самый сладкий грех
И напущу дурмана.

Я отомщу за молодость свою
И сотни душ соединю случайно,
Я их любовным зельем опою
И обвенчаю тайно!

Меня сто лет приговорили жить?
Я доживу свой век без сожаленья.
Я научу их плакать и любить,
И не просить прощенья!

Меня сто лет приговорили жить?
Прощенья нет?
А я согласна ведьмой быть
И сотни лет!

ЗАЕЗЖЕМУ АРТИСТУ

Я не боюсь остаться неизвестным,
«Я не хочу печалить вас ничем».
И критика, и слава мне зачем?
Привык к словам фальшиво – лестным.
Но все же, черт меня возьми,
Когда-то крикну:

- Замолчите!

Хотите ль вы, иль не хотите,
Вы замолчать сейчас должны.
Один я. С вами не на равных.
Боюсь позора и стыда...
Нет! Это чушь и ерунда!
Ведь я артист, хоть и бесславный.
Со мной стихи! Они живут!
- Живут ли? Ты уверен в этом?
- Как смеешь спорить ты с поэтом?!
- Ты? Это кто? Один ты тут.
- Ну, нет. Меня не проведете,
Еще с собою в дружбе я.
- Остынь. Я ненавижу тебя.
Расслабься, ты не работе.
Уговорю тебя поспать,
Шепну мечту твою на ушко...
Ты тупо упадешь в подушку
Не для того, чтобы мечтать.
Я духотой к тебе прильну
Невидимо и неотвязно.
Твои усилия напрасны
Разбить стихами тишину.
Ты спорить? Не шути со мной.
Свернусь под утро простынею,
Ленивой теплою змеею

Я заползу в рассудок твой.
Застряну в горле комом нервным,
Сдавлю дыхание на миг -
И подведет тебя язык!
Тебе на ужас слог неверный
Уже слетел. Но лишь на миг
В глазах испуг, в душе тупик,
А дальше... Дальше, благоверный,
Ты вспомнишь ненависть свою.
«Непонятый... Неоцененный...»
Тебе я тихо повторю.
- Артист, - хихикают подростки.
- Зачем мою ты душу рвешь?!
Будь проклят день, когда за грош
Артист впервые вышел на подмостки.

* * *

Будет праздник между дел,
Будет праздник.
Над землею пролетел
Белый всадник.
Заморожено окно
Ожиданьем.
Будет праздник и вино,
И признанья.
Солнце стужу победит,
И прекрасно.
Над землею пролетит
Всадник красный.
Птицы, будто бы мечты,
Встрепенутся.
Над сугробами цветы
Разогнутся.
Будут ягоды горой,
Не иначе.
Будет всадник золотой
И горячий.
Будет осень раздавать
Обещанья,
Будут птицы улетать
Без прощанья.
Пьяный всадник над землей
Пронесется,
Об оконное стекло
Разобьется.
И заплачет, заплачет природа,
Затоскует до нового года.
Будут эти страданья не вечны.
Будет снег и следы человечья.

* * *

Благодарю судьбу за непокой,
За боль мою, свободу и смятенье,
За трепетное первое волненье
И первые рассветы над рекой.

За долготу осеннего тепла
И сок брусники на губах горячих,
За то, что я всегда собой была
И не ждала, как милости, удачи.

И даже за спасительный костер.
Войду в него без боли и сомненья.
Я принимаю этот приговор
И не прошу ни слова, ни прощенья.

Еще за то судьбу благодарю,
Что все грехи отпущены мне Богом,
За то, что я, невинная, сгорю,
Смеюсь в лицо ханжам и недотрогам.

ЗА ЧЕРТОЙ

За той чертой, которой не достичь,
За снами об утраченных надеждах,
За тем, чего не вспомнить, не постичь,
Стоит судьба в изорванных одеждах.

Я к ней теперь свой обращаю путь,
Когда дороги сотни раз размыты,
Когда глаза мои полуоткрыты
Лишь для того, чтоб на нее взглянуть.

Когда ж глаза, не видя ничего,
Доверятся моим дрожащим пальцам,
Я прикоснусь с оправданным нахальством
К немому чертам подобья моего.

И вот тогда сквозь трепет теплых рук
Проступит холод неживого тела.
Услышу я:

- Ты этого хотела,

Так почему ж в руках твоих испуг?
Меня давно держали в черном теле,
Кормили крошками с обильного стола,
В какое-то тряпье переодели.
Не хочешь ли, чтоб я твоей была?

Стоит судьба моя полунагая,
В изорванных одеждах, без тепла...
Я не стыжусь ее и принимаю!
Я слишком долго без судьбы жила.

О СНЕ

Бредет, лениво ноги волоча,
Тяжелой поступью немытого бродяги
Тревожный сон – капризное дитя,
Не унимается, как пьяный после драки.

Он будет долго мысли ворошить,
Ввернется чертом в светлое виденье,
Твоей души не станет он просить,
Но и не даст успокоенья.

К нему на помощь из глубин сознания
Уже восходит призрак неудач,
А с ним сомнения, тревоги, обещанья,
Расчет холодный – совести палач.

Нет, это сон. Всего лишь сон тревожный.
Еще мгновение продлится он...
О Господи! Какой истошный звон!
Но, слава Богу, что проснуться можно.

* * *

Когда один останешься под вечер,
Когда тебя никто не позовет,
Когда сгорят податливые свечи,
И горький дым лениво уплывет,

Я буду долго плакать и молиться,
Чтоб никогда не думать о былом,
Чтоб никогда к тебе не возвратиться
И не идти как прежде напролом.

Я, ничего не зная о спасенье,
Сама себя унижу и распну.
Когда к тебе вернется вдохновенье,
Я на тебя заоблачно взгляну.

Но ты меня, конечно, не увидишь
И будешь злиться, чувствуя мой взгляд.
Ты сам себя за то возненавидишь
И будешь глупо плакать невпопад.

* * *

Ты отрекаешься? Не надо.
Не стоит сил.
Я буду рядом. Буду рядом,
Как ты просил.
Когда стихам моим родиться
Наступит срок,
Ты будешь тем уже гордиться,
Что ты листок.
Ты будешь тем уже гордиться,
Храня стихи,
Что смог руки моей добиться,
Хотя б руки...
Но ты, бессильем озлобленный,
Не подождешь
И этой злобой опьяненный
Себя сожжешь.
Кусая свои губы с болью,
Сожжешь судьбу,
А я к тебе - твоей же кровью
Через губу.
Ты отрекаешься? Не надо.
Мне хватит сил
За нас двоих. Я буду рядом,
Как ты просил.

СЫНУ

Как угадать, какой причал корабль жизни нам
готовит?

Но каждый ветру прекословит, держась все крепче
за штурвал.

К соленым брызгам, шуму волн мы привыкаем
постепенно,

Но ждем с надеждой непременно своей судьбы
девятый вал.

Что есть судьба? О чем мечтать? Чего, достигнув, не
стыдиться?

Как не сбежать и не сокрыться от неотвязных
неудач?

Из года в год, из века в век вода идет на смену
снегу,

Шумит трава, и жизни бегу не помешает человек!

Не бойся жизни песню петь. Сфальшивишь -- это ли
причина,

Забыв о том, что ты мужчина, жестокой злобою
гореть?

Сильнее боль -- острее страданья. Они уйдут,
исчезнет след.

Ты будешь счастлив от побед и вновь воскреснешь
для желанья.

Смотри: январь, мороз и солнце -- все, как у
Пушкина в стихах.

Скользит улыбка на устах, над миром радостно
несется

И сыплет звезды свежий снег. Будь счастлив, новый
человек,

Вошедший в мир с восходом солнца!

ОДНА

Последний раз прости меня,
За то, что столько лет пыталась
Тебя любить. Любить тебя
Мне не под силу оказалось.
Прости за боль, как от огня,
Но я не в силах быть с тобою.
Зачем же мучить мне тебя
Своей жестокой нелюбовью?
Я не люблю. Я не могу
С тобою рядом быть в постели.
И нам гореть за то в аду,
Что мы с тобою не сумели
В начале долгого пути,
Когда обида комом в горле,
Не прячась, от судьбы уйти.
И вот уже пустили корни.
Мой сын – он копия твоя,
Глядит доверчиво и прямо.
Он повзрослеет без тебя
И спросит: Где отец мой, мама?
Он подрастет и все поймет,
Простит и, может, пожалеет.
Пусть он черты твои возьмет
И стойко все преодолет.
Мне ж не забыть, как вновь и вновь
Обиды сердце мне пронзали,
По капле из него любовь
Стекала теплыми слезами.
Ты, словно зверь, что одинок.
Свое лелея подозренье,
Готовил тщательно прыжок
Из слов обид и оскорбления.

Рванул, ударил лапой в грудь,
Тепло души из сердца вынул...
Нет. Не могу теперь вернуть
Любви к тебе. Меня покинул
Мой слабый дух. Мои слова
Пусть не звучат тебе укором,
Но я, наверное, права –
Быть не хочу твоим позором.
Живя с тобой, упьюсь тоской
И вновь забуду о пощаде.
Забывать тебя – ожить душой,
Прощать тебя – себе же гадить.
Итак, я выпита до дна.
И мне не нужно снисхожденья.
Опять одна. Всегда одна.
Одна... Как в первый миг рожденья.

УШЛА ЛЮБОВЬ

Тупик надолго и всерьез.
Опять судьба меня неволит.
И нет ответа на вопрос:
Куда любовь моя уходит?

Моя любовь, прости небрежность,
Прости, что сразу не смогла
Я оценить, какую нежность
Ты для невежи берегла.

Прости. Ведь ты великодушно
Меня прощала сотни раз.
Уйди, но после, не сейчас,
Мне быть любимой очень нужно.

Моя любовь, куда же ты?
Уже ль душа моя остыла?
Но только осень бабой выла
В подол старухи-темноты...

ПЕРЕД ВЕСНОЙ

Как долго не идет весна!
Как будто в пьяном разговоре
Кому-то рассказать должна
Сполна о нашем бабьем горе.

Не слушая ее рассказ,
Размахивая рукавами,
Подруга-вьюга в сотый раз
Бубнит свое, тряся снегами.

ДИАЛОГ

- Когда же будем говорить?
- Когда молчанье болью станет
Иль час Пришествия настанет
И будет колокол звонить.
- Но что же Богу мы расскажем?
Чем повинимся перед ним?
- Я знаю: эту нашу тяжесть
Он снимет Именем своим.
- Ты ждешь Его? Но это долго,
Тебе не справиться одной,
Своим упрямым чувством долга
Ты поделись, прошу, со мной.
- Нет, я одна. Тому причиной
Лишь мой испуг и мой позор.
К тому ж ты слаб, ведь ты мужчина.
Не хмурься, это не в укор.
- Но я люблю тебя, я сильный
И не боюсь людской молвы!
- Ты слышишь смех ручья обильный
И шепот сплетницы-травы?
- Но этот смех не над тобою!
Ручей смеется для луны,
Трава же шепчется с травкою,
Они, как мы же, влюблены!
- А сердце? Сердце не уступит,
Оно заставит говорить.
- Ну, что же ... Жди. И будь что будет.
Как нелегко тебя любить.

РОЗОВАЯ СВАДЬБА

Пусть на столе не в свечках торт.
Но за столом родные лица.
Меня когда-то дернул черт
В ревнивца этого влюбиться.

Кипит шампанское. Цветы
Расселись в вымытом графине.
Быть может, я припомню ныне,
Чем покорила кокетку ты.

Ревнивец, я тебя прощаю,
Хоть ты ни в чем не виноват.
Ты помнишь? «Горько» нам кричали
Впервые десять лет назад.

Судьбе угодно было что ли
Тебя поставить в общий строй
Влюбленных ветреных героев
На суд кокетки молодой?

Гремит немытая посуда.
Молчу я, голову склоня,
А ты... а ты впервые будто
С улыбкой смотришь на меня.

Как нянька, надо мной хлопчешь.
И потому ты победил,
Что среди всех иных и прочих
Один лишь ты ревнивцем был.

СВЕТЛОЕ ВОСКЕСЕНЬЕ

Никогда не любившие прежде,
Колокольный послушайте звон!
Он несется и дарит надежды,
И уже кто-то снова влюблен.

Никогда не любившие, верьте:
Этот звон на земле неспроста.
То любовь торжествует над смертью,
Возродившая к жизни Христа!

Никогда не любившие, ждите!
Ваше счастье уже на пути.
Вы навстречу ему выходите,
Мимо вас не давайте пройти!

Ваше счастье – оно не мгновенье,
Не в уснувшем лесу тишина.
Этим Светлым святым Воскресеньем
Дарит людям спасенье весна!

БУМАГА

Тебя придумали лентяи,
«Питомцы ветреной судьбы»,
Чтоб ни за что не отвечали.
Им беззаветно служишь ты.
Им, возвеличенным толпою,
С ней не по чину говорить,
Но, чтобы совесть успокоить,
Тебя приходится просить
Ответить как-то на вопросы
Или зажать кому-то рот,
Или исполнить чьи-то просьбы
(Что за назойливый народ!)
Тебе доверившись всечасно,
Молчит испуганно страна.
Для всех счастливых и несчастных
Надеждой только ты одна.
Бумага! Ты слуга порядка
И не идешь на компромисс,
Ты держишь нас железной хваткой,
Чтоб на дела не отвлеклись.
Ты покупаешь наши души.
И вот, довольные собой,
Тебе, бумажный идол, служим,
Шуршим бумажною душой.
Ты повелителем вселенной
С презреньем смотришь на пажей,
А суд творишь простой и скверный
И с самых верхних этажей
Легко слетаешь птицей важной,
Решив, кто прав, кто виноват.
Но от оскомины бумажной
Уж скоро зубы заскрипят.

Ты оседаешь в кабинетах
И возвышаешься стеной,
А все бумажные секреты
Известны лишь тебе одной.
Да. Ты придумана лентяем,
«Питомцем ветреной судьбы».
И ты (я это точно знаю)
Уже не сдашься без борьбы.

ДЕТСТВО МАЛЬЧИШКИ

Что такое детство?
Это карусель,
Доброе соседство,
Ягодный кисель,
Это макароны,
Чтобы их жевать,
Это и вороны,
Чтобы их считать,
Это первый праздник,
Первые цветы
И твои, проказник,
Первые мечты,
Первая оскоминка,
Муравьи горой,
Облизал соломинку –
И уже герой.

Детство - это прятки,
Жмурки, казаки,
Школьные тетрадки,
С дырками носки,
Рваные рубашки,
Свеженький синяк,
Если за Наташку
Дрался как дурак.

Детство – это лето,
Первая гроза,
Первая победа,
Первая слеза.

Детство - это взрослый
Твой велосипед.
Не хватает росту,
Не хватает лет.

Ну, тогда под рамой,
Хоть колени в кровь.
Детство -- это самая
Первая любовь!

МАМЕ

Мама, стареешь?
А я далеко.
Мне дотянуться
К тебе нелегко.
Шепотом, голосом,
Первым шажком,
Стриженным волосом,
Жадным глотком
Мы остаемся у мамы в душе,
Пусть даже мамами стали уже.
Мы остаемся у мамы в крови
Первым молчаньем о первой любви.
Ты – это сердце,
Занывшее болью.
Мы – это детство,
Не знавшее горя.
Ты – это пара
Несомкнутых глаз.
Мы – это пара
Отрывистых фраз.
Ты – наша первая в жизни весна.
Мы – твоих мягких волос седина.
Я – твой внезапный ночной разговор.
Помнит его обветшалый забор,
Наша скамеечка, теплая ночь,
Жареных семечек щедрая горсть.
Ты для меня –
Тишина и покой.
Я никогда
Не расстанусь с тобой.
Голову снова на грудь положу,
Все по порядку тебе расскажу.

Ты пожалеешь и успокоишь,
Старенькой шалью мне плечи покроешь.
Теплой росинкой слеза покатится.
Знай же: со мной ничего не случится.
Я к тебе тихо щекою прильну,
Сладко и мирно, как в детстве, усну.
Будет мне сниться
Наш ветхий забор.
Милые лица
И старенький двор,
Наша скамеечка,
Теплая ночь,
Жареных семечек
Щедрая горсть.

* * *

Ты меня не люби,
Не впадай в заблужденье
И для грешной любви
Не проси снисхожденья.

Обручальных колец
Не снимай осторожно.
Ты пойми наконец –
Так любить невозможно.

Ты пойми наконец –
Не бывает иначе.
Обручальных колец
Ты в шкатулку не спрячешь.

Никуда не уйдешь,
Никого не покинешь.
Если это поймешь,
То без боли остынешь.

Не люби наугад.
Ты уже не мальчишка.
Постарайся понять:
Это только интрижка.

Пара сдержанных фраз
Тебе сердце кольнула?
Так пойми хоть сейчас –
Я тебя обманула.

Разозлишь, отвернешь,
Прокляни меня трижды!
Только помни всю жизнь
Эту нашу интрижку.

КАПЛИ

Я в жизни запуталась что-то,
Как эхо, продлившее крик.
А, может быть, это работа
Меня загоняет в тупик?

Еще не пойму, не осмыслю,
Когда это было со мной?
Когда это ртутные брызги
Мне каплею были одной?

Иду лабиринтом безделья,
Слоняюсь, сама не своя.
Но капелькой ртутной к тебе я
Прилипну, еще не любя.

Какая-то прошлая память
К тебе примагнитит, прижмет,
Твоими большими руками
Костерчик в степи разведет,

Разложит пасьянсом одежды,
Намокнувшие под дождем,
И трижды предскажет надежды
На то, что мы будем вдвоем.

Надежда подарит мгновенье,
В которое надо решать.
Но только сдержу ли я рвенье
Той капли, что хочет бежать?

Ее не сметешь, не раздавишь.
Не буду гоняться за ней.
И пусть многоточием станут
Все капельки жизни моей

К ЗИМЕ

Эй, зима! Остынь немножко!
Дай ты людям тишины.
Что вцепилась, словно кошка,
В шлейф красавицы весны?!

Ничего тебе не светит,
Убирайся поскорей
И под лавкой старых сплетен
Не натачивай когтей.

Все равно о них забудут,
В зимний вечер зашвырнут,
Сами все влюбляться будут.
Не забудут, так поймут.

Ты - то точно отлюбила.
Даже сплетен больше нет.
Уходи ж, как уходила
Ты весною тыщу лет.

Не скребись ты кошкой драной,
Не студи ты людям душ.
Я сама старухой пьяной
Через жизнь к тебе вернусь.

Я седой и старой стервой
Буду злиться, как зима,
Но тебя, котенок белый,
Снегом выхожу сама.

Отпущу тебя на волю,
Побежишь ты по полям.
Я же вслед тебе завою,
Уподобившись ветрам.

ОТОМСТИЛА ОСЕНЬ

Раздосадовалась осень,
Растрепала косы ржи:
Ее ветер-бабник бросил,
И попробуй, удержи.

Встала осень. Платье смято.
Отрясает листья в грязь.
В том ты, осень, виновата,
Что закатом упилась.

Плачет осень: «Значит, бросил?
За весною полетел?»
И стреляет в ветер осень
Чередою птичьих стрел.

Кровью хлынули осины.
И не так обидно ей.
Осень полные корзины
Нагребают для людей.

Деловито, как колхозник,
Подвязалась леском,
Прибрала ржаные косы,
Золотым свернув пучком.

Ветер, ветер, что наделал?
Ты ведь быть любимым мог.
Будешь ты теперь, неверный,
У ее валяться ног.

Но коварной этой ночи
Тебе осень не простит,
Хоть и будет долго очень
Дождь слезами моросить

* * *

Я смолчу. Не подам тебе повода
Для насмешек над чувством моим.
Так смолчу, что предутренный холод
Пробежится по нервам твоим.

Я смолчу. Не оставлю и веры.
Пусть забудешь ты имя мое:
Никогда не узнавший потери
Никогда не оценит ее.

Я смолчу. Даже, если заплачу,
Буду рада упрекам твоим.
Свое сердце поглубже упрячу,
Чтоб потом удивить тебя им.

* * *

Я тебя никогда не пойму,
Не приму твоего одиночества
И обиду в горле сожму
Все слова, что так высказать хочется.

Эту горечь обид и потерь
Я б с тобою до капельки выпила.
Собирала я смех для людей,
Но, споткнувшись о холод, рассыпала

Пред тобою его, как горох.
Видно, доля такая мне выпала.
Чтобы ты мне довериться смог,
Я б и сердце вот так же рассыпала...

СТАРЫЙ ТЕЛЕФОН.

Что-то солнце не дарит тепла,
Не щадит и пытается дождями,
Солнце только разводит руками,
И разлука меж нами легла.

И никто не поможет и словом.
Телефон по-предательски нем.
С этим старым немым телефоном
Я еще поймею проблем.

Он такой же, как эта погода.
Серый, пасмурный, скользкий болван.
Отдыхает себе беззаботно
И не внемлет далеким словам.

Этот раб точнодырчатых цифр
Ни за что мне не выскажет слов,
О которых молчишь, не молчи же!
Разорви ты молчанья покров.

Оглуши его звоном надменным.
Пробуди его прямо сейчас.
Пусть же станет и он суеверным,
Перекрестится диском хоть раз.

Полетит, обгоняя мгновенья,
Прямо в душу тревожный гудок.
Этот старый горбатый пенек
Станет вмиг телефоном доверья.

ДОЧУРКА

Как солнечные лучики
Подвластны зеркалам,
Так эти лапки-рученьки
Прильнут к моим щекам.
Дочурка, носик пуговкой,
Расскажет без прикрас
О трудном дне, напутает,
Начнет в десятый раз.
Не стану лепет сдерживать,
Дослушаю, пойму,
Себя припомню прежнюю,
Ее к себе прижму.
Уснет она кузнечиком.
Храни ее от бурь,
Между щекой и плечиком
Застрявший поцелуй!
Его я к ночи выткала
Из нежности моей,
И с тихой улыбкою
Он прикоснулся к ней.
Пусть будут сны хрустальными
И легкими, как снег.
Благословлю мольбами их,
Чтоб не узнала век
Моя дочурка милая
Ни горя, ни обид.
Я потому счастливая,
Что дочка рядом спит.

НЕУДАЧНОЕ ГАДАНИЕ

Знать бы мне заранее
Все, что будет. Эх,
Согрешу. Гадание –
Невеликий грех.

Может быть, порадуюсь,
Может, загрушу.
С картами побалуясь –
Душу отпущу

На четыре стороны.
Пусть летит стрелой.
Что-то вини-вороны
Вьются надо мной.

Лег на сердце пикою
Чернощекий туз.
Только не захныкаю
И не огорчусь,

А его с улыбкою
Круто разверну,
Даме, ведьме пиковой,
Хитро подмигну:

- Не пугай разлукою!
Пиковый нахал
Недопитой рюмкою,
Развернувшись, стал!

Мне пустые хлопоты
Тоже ни к чему.
Все же их безропотно,
Как судьбу, приму.

Ведь не зря червонными
Огоньками влез
В эти дебри черные
Новый интерес.

На четыре стороны
Разлеглись пути.
Долго с разговорами
Мне по ним идти

К первому свиданию,
К юности моей.
Отложу гадание
До удачных дней.

* * *

После солнца – усталость,
Горячая скука.
Вскипяченную радость
Остужает разлука.

Дует ветром сомнений,
Неожиданных истин.
Этот день откровений,
Словно солнце без жизни.

Это жаркое слово
Обжигает. И все же,
Пусть и лето неново,
Но меня растревожит

Тихий жар пополудни
И, устав от сомнений,
Я на берег безлюдный
Возвращаюсь из тени.

Лишь прикрою ресницы
И отдам себя солнцу!
Может быть, удивится,
Может быть, засмеется,

Может быть, затрепешет
И коснется лучами,
Как касаются женщин,
Сотворенных мечтами.

ПОСЛЕДНИЕ ЛИСТЬЯ

Вот и кончилось лето.
Наши встречи случайны.
А вопрос без ответа
Так нелеп. И печален
Взгляд покинутых женщин,
Вздых осеннего сада,
Что дожил до последних
Тихих слез листопада.

Их никто не увидит.
Ведь давно уж слетели
Тугокрылые листья
Красно-рыжей метелью.
И остались на ветках,
Будто трудное слово,
Эти листья, как метки,
Как остатки былого.

Так теряют надежды.
Словно листья без ветра.
Для покинутых женщин
Не бывает ответа.

НЕ ВДВОЕМ

Мы слишком разные с тобой,
Мы слишком разные.
Еще не связаны судьбой –
Уже развязаны,
Еще не сжатые в кулак -
Уже расцеплены.
Еще не сделавшие шаг –
Уж оклеветаны.

Мы слишком разные с тобой.
И слишком близкие.
Как листья, сорванные в зной
И в книги втиснуты.
Нас ненавидят без причин
Страницы душные,
Но все же сохнем и молчим,
Судьбе послушные.

Мы слишком разные, поверь
И не испытывай.
Ты, как распахнутая дверь,
А я закрытая.
Нам не дано любовь беречь.
И тем печальней,
Что нет не только наших встреч,
Но и прощаний.

* * *

Вставал, уходил, возвращался,
Любил и молился весне.
Еще не со мною прощался
И вновь приходил не ко мне.

И все тебе боли знакомы.
Ты их, как ребенок, забыл.
А злые земные законы
Еще без меня заучил.

Еще без меня расплескалось
Вино среди вычурных фраз,
А счастье в душе залежалось,
Как в спешке забытый запас.

Еще без меня... А со мною
Ты весел и буднично трезв.
Теперь притяженье земное
Душе твоей наперерез

Несется. Потянет к домашним,
О долге начнешь говорить.
И сразу же станет вчерашним
Все то, чем надеялся жить.

* * *

Мне больно. Больно мне теперь,
Что так легко тебя узнала
И за распахнутую дверь,
Что пред тобой не закрывала.

За то, что ты во мне любил
Лишь девку, что с тобой грешила.
За то, что ты мне все простил.
Простил...

А я бы не простила.

НА РОДИНЕ

Я здесь люблю не по привычке
Все то, что многим невдомек.
Здесь вечно исчезают спички
При каждом зове на чаек.
Здесь тихо замурлычет кошка,
Когда ей молочка нальешь.
И больно, и смешно немножко,
Когда невольно обожжешь
Свои изнеженные пальцы
Горячим бархатом блина.
И в нежный цвет простых акаций
Я здесь по-детски влюблена.
Здесь петушины рассветы,
А полдень солнечно богат,
Здесь все народные приметы
Лишь об удаче говорят.
Здесь комариный тихий вечер
Озвучат струны молока
С большими ведрами. И вечно
Здесь эта музыка нова.
К ней внуки с кружками подходят
И затихают неспроста,
И легкой пеною восходит
По краю кружки доброта.
Те кружки согревают руки.
И жизнь становится легка,
Когда, смеясь, размажут внуки
Ус от парного молока.

К СОЛНЦУ

Солнце! Золото лей на меня!
Не боюсь твоего огня!

Я в горячем его бреду
Золотою к нему приду!

Вспыхнет сердце его, как стыд.
Пусть со мною вместе сгорит!

Его сердце – не уголек.
Это солнца живой поток!

Не посмейте его тушить.
Только солнцем ему и жить.

В золотом потоке стою
Я
У пропасти на краю...

БЕЗ МЕНЯ

Если темная ночь – свет.
Это значит - меня нет.

Без меня не летит снег.
Без меня даже миг – век.

Пусть и сотни пройдут лет.
Без меня и тебя нет.

ГОРЯЧИЙ РАЗГОВОР

Намотали, накрутили,
Завязали туго,
Что в пылу наговорили,
Бросили друг в друга.

Затянули до упора,
Пальцы побелели.
Для такого разговора
Мы давно созрели.

Заскрипит тугое слово.
Не ступив за рамку,
Выворачиваем снова
Души наизнанку.

Вытрясаем сор сомнений,
Бывший в перепалках.
Но для этих откровений
Душно в тесных рамках!

Может, завтра разберемся,
Утречком на кухне?
Молча взглядами столкнемся
И, глядишь, потухнем.

* * *

Посадите меня в «одиночку»!
Чтоб не видеть, не слышать, не жить.
Буду каждую букву и точку,
Как подругу до гроба любить!

Одиночество словом разбавлю,
Паутиной повисну, сорвусь,
Тишину себя слушать заставлю,
А себя услыхав, ужаснусь.

* * *

Вырубаем, считаем, шагаем.
На тропе суета, беготня.
Мы еще много дров наломаем,
Чтоб удобнее стала лыжня.

Чтоб кипела без удержу бодрость,
Чтобы с ветром к победе лететь,
Чтобы радостно прячьась за скорость,
На убитую ель не смотреть!

КОЛДУНЬЯ

Живет в лесу, ни дева ни старушка.
Я точно знаю, что она живет,
Хоть на тропинку, что ведет к избушке
И до сих пор никто не набредет.

Я знаю: там, где клюква на болотах
Особенно кругла и холодна,
Живет она до полночи в заботах
О том, чтоб не замешкалась весна,

Чтобы вступили в силу вековую
Кедровые мохнатые ростки,
Чтобы живую ягоду лесную
Руками собирали мужики.

* * *

Тени, тени, тени.
Холодно. Темно.
Душно, как от лени.
Видно, не дано

Мне чего-то стоить
И счастливой быть.
Может, с веком спорить?
Может, просто жить?

Может, это вечер
Мне туманит путь?
Совесьть человечья,
Дай же отдохнуть!

ПОЭТ И КЛОУН

Огромн рот, а не урод.
Простой веселый клоун
Смешить доверчивый народ
Опять выходит
И вот-вот
Совсем забудет, кто он.

Ты кто? Мальчишка или дед?
Ты чей? Откуда? Дай ответ.
Но не дает ответа.
И лишь отчаянный поэт
Поймет его немой ответ,
Пусть даже нет ответа.

Поймет и смех его, и стыд.
И долго-долго простоит
У клоунской тележки,
Где продаются бубенцы.
Их покупают сорванцы
И слушают потешки.

Но клоуна не все поймут.
Его, уставшего, вернут,
Обступят у дверей.
- Я клоун! Клоун, а не шут!
Живу, как многие живут,
Но не смешу царей!

И все так просто и легко...
И уплывают далеко
Шары, играя с ветром.
И улыбается поэт.
И, зная клоуна ответ,
Согласен быть поэтом.

* * *

Поставлены напротив зеркала!
В них так легко увидеть бесконечность.
И коридор, ведущий прямо в вечность,
Меня позвал. И, если б я могла,

Я бы на цыпочках, как по земле весна,
Вошла в тот мир, и светлый, и зовущий.
Я там одна была бы не одна,
Рассыпавшись на тысячи идущих.

Но что мне свет и чистота зеркал?!
Здесь не дойти до цели, как до сути,
Не отыскать того, что потерял,
Не расплескать зеркальной этой мути.

Здесь все игра. И маски без лица,
И зеркала не отражают взгляда,
Последний шаг – иллюзия конца,
А бесконечной жизни мне не надо.

ШКОЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

Мы расставались и думали, что навсегда.
Мы обнимались впервые при всех без стеснения.
Путь нам тогда освещала ночная звезда,
Взрослый рассвет приводил наши души в смятенье.

Школа, раскинув объятия, нас больше не ждет.
Но не остынет она, словно гнезда без птицы.
Каждый из нас малыша своего приведет,
Чтобы опять у него ожиданью учиться.

Сами когда-то хотели мы взрослыми быть
И, ожидая звонка, мы считали минутки.
Школа, ты помнишь? Да разве ты можешь забыть
Наши вихры и улыбки, и слезы, и шутки.

Как же давно мы остались один на один
С миром огромным, что принял нас всех по
заслугам.

Школа, теперь мы с тобой по душам говорим,
Словно со старым и жизнью испытанным другом.

Ты не смотри, что морщинки лучатся у глаз.
Мы еще все-таки чуточку в детство играем,
Часто скрывая под маской неискренних фраз
Трудный вопрос, на который ответа не знаем.

РАССЕКРЕТИЛИСЬ

Я тебя дождусь, любимый.
У порога встречу.
От соседей говорливых
Встречу «засекречу».

Только стукнешь потихоньку,
Я тебе открою,
Подтолкну тебя легонько,
Взглядом успокою.

Ты же, слон в посудной лавке,
Добрый и большой,
Пробираешься неловко
На руках со мной.

Загремишь упавшим стулом,
«Рассекречусь» хохотом.
Что мне эти пересуды.
Пропади все пропадом!

УСПЕЮ ЛИ?

У меня характер пылкий!
Я сто раз еще влюблюсь!
Красно-бурою кобылкой
Я по жизни разбегусь!

Подниму детей немножко,
От работы отдохну
И влюбляться, словно кошка,
Буду каждую весну!

Кобылицей молодою
Буду холить жеребят.
Подниму детей, устрою,
И аж пятки засвербят!

А пока, пожалуй, рано.
У меня авторитет.
И пока кобылкой рьяной
Погожу оставить след.

Приосанюсь осторожно,
Придавлю на тормоза,
Но, как только будет можно,
Рассверкаюсь, как гроза!

Скоро, скоро уж окрепнут
Жеребятки-сосунки.
Это что там за «конверты»?
Это их уже сынки!

Ладно. Соски и бутылки
Помогу я им отмыть.
Только бурою кобылкой
Мне б успеть еще побыть...

Внуки «ладушки» маячут.
Без оглядки жизнь идет.
Глядь, а ты уже и кляча
Для хозяйственных работ!

ВСЛЕД ЗА СЧАСТЬЕМ

«Все мы немножко лошади»,
Может, и прав поэт.
Только еще до стреноженья
Мне не хватает лет!

Я еще буду любимой
И поднимусь на дыбы.
Вдоль по дороге длинной
Пыльные взрою столбы!

Я никого не обижу,
Не разнесусь, оголтев,
Но, если счастье увижу,
Что мне конюшня и хлев!

«Все мы немножко лошади».
Пусть это спорный вопрос.
Только еще до стреноженья
Мне далеко, как до звезд!

ДЕРЕВНЯ

По забору, что чуть валится,
Палкой бьет пацан.
Эта музыка не нравится
Ворчунам - жильцам.

«Вот еще! Нашли занятие!
Ну-ка, кыш отсель!»
Убегает с визгом братия,
Разогнав гусей.

Гуси крыльями захлопали,
Зашипели зло.
Куры глупые заквохтали,
Потеряв яйцо.

И собака скучно-рыжая,
Не поняв, где шум,
Завертелась с визгом выжимным,
Дескать, укушу!

Вот она. Деревня-матушка.
Огород да двор.
Пахнет тепленьким оладушком,
Да скрипит забор.

Словно пью от скуки средство.
Где же пацаны?
Эх, сбежать бы с ними в детство,
Подтянув штаны.

* * *

Забродило, заелозило,
Душу затрясло.
Я опять набарагозила:
Написало зло.

Что, душа, тебе не терпится?
Что меня томишь?
Посмотри: планета вертится,
На кого ворчишь?

Что опять не так устроено?
Что не по тебе?
Наломала дров, настроила
Теремов себе!

И теперь трясешься, видимо,
Над своим «добром»?
Даже с терема и выгонят –
Спрячешься в другом.

«Не хочу!» – ответит гордая,
Рассердясь, душа.
«Если быть, то быть свободною.
Хватит шалаша!»

ПИСЬМО

Вот листочек.
Что за почерк?
Это ж просто
Нервный хлам!
Что поймешь из этих строчек?
Все же с горем пополам
Надо как-то разбираться
В этих дебрях маяты.
Начинаю улыбаться,
Понимаю: это ты.
Двести лет я не читала
Нежных писем при луне.
Испугалась, растерялась,
Вишь ли, почерк не по мне.
Мне ли этому учиться,
Закорючки разбирать?
Только стала я лениться
И влюбляться, и страдать.
Самолетиком бумажным
Ты слетел ко мне, любя.
Да и мне, поверь, неважно,
Что за почерк у тебя.

ПЕТЕРБУРГУ

Я недавно была в Петербурге.
Он не думает даже стареть!
Я носилась по улицам гулким,
Все боялась везде не успеть.

Оголтелое жадное время
Расхватало кусками Союз.
Только Пушкин остался со всеми.
(Я душой покривить не боюсь).

Обнаглев, африканские черти
С чемоданчиком, полным бумаг,
Прибежали за именем этим,
Словно свора голодных собак.

Петербург! Заклинаю, как брата,
Ты его сохрани и спаси!
Ведь такую большую утрату
Уж не вынесет сердце Руси.

Петербург! Защити его имя!
Он по матери был Ганнибал.
Черной речкою стала Россия?
Все равно он ее воспевал!

ТОЧКА

Все, дорогой. Я ставлю точку.
Решила твердо. Не шучу.
И лишь последней этой ночью
О точке твердой промолчу.

Я ставлю точку в отношениях!
С улыбкой смотришь на меня.
(Так смотрят папы с удивленьем,
Когда их дети нашалят).

И все же я себя заставляю.
Как камень буду я тверда
И точку жирную поставлю!
А ты опять: «Иди сюда...»

Иду. И снова буду смирной.
Ну, как мне твердой быть с тобой?
И жир из точки моей жирной
Стекает в хвостик залятой...

ПРОЩАНИЕ

(посвящается Н.В. Сулиной в день прощания с коллективом. 25.05.99.)

Как бескорыстно вертится
Планета для людей.
Чтоб нам с тобою встретиться,
Прощаемся теперь.

Застыли в ожидании,
И слов не подберешь.
И ты, печалью пьяная,
Себя не узнаешь.

Как это все устроилось?
Когда решилось вдруг?
Нельзя от этой новости
Не испытать испуг.

Нельзя не призадуматься,
Поникнув головой.
Гудит домами улица:
- Увидимся ль с тобой?

Деревья вопрошающе
Шумят наперебой:
- Неужто уезжаешь ты,
Мы встретимся с тобой?

Ревниво ветер бесится,
Он из последних сил,
Чтоб нам с тобою встретиться,
Планету раскрутил!

Прощанье. Обещания.
А годы, как вода.
Не зря стоит отчаянье
За словом «никогда».

А мы с тобою встретимся.
Обнимемся, всплакнем.
Смотри: планета вертится,
А значит, мы живем!

С ВЕТРОМ ВДВОЕМ

Ветер, бес автомобильный,
Я тебе под стать.
После ста да на полтинник,
Все равно, что встать.

Ветер, бабий искуситель,
Я тебя ищу.
Только дай себя похитить,
Уж не отпущу!

Мне с таким моим любимым
Некогда стареть!
Мой любовник легкокрылый
Может улететь.

Нацелуюсь с ветром вволю,
Даже захлебнусь!
Пусть потом инспектор ловит —
Не остановлюсь!

Мы о чем-то, с ветром споря,
Недоговорили.
Не могу я быть другою,
Уж такой родили.

Ведь недаром, ветер сильный,
Я тебе под стать.
После ста да на полтинник,
Все равно, что встать!

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

Восклицательный знак. Он как крик, он как выстрел,
как вызов.

Он сорвался с пера, над возвышенным словом
взлетел.

Только, видно, без нас наши судьбы в картинки
сложились.

Восклицание душ - это не восклицание тел.

Ты его растянул, развернул, расчеркнул над
строкою.

Моему кораблю где-то вспыхнул тревожный маяк.

Словно волю мою приколол к себе длинной иглою

Этот тонкий и острый, как боль, восклицательный
знак.

* * *

Я не могу понять того, в чем каюсь,
Что чувствую сейчас, о чем молчу.
Я объяснить сама себе пытаюсь,
Но вижу, что над бездною лечу.

Такая синяя и белая, и злая,
Она страшит своею глубиной.
Хочу кричать. А что кричать – не знаю.
Наверное, судьба играет мной.

Она меня испытывает, судит,
Разъединяет с тем, кого люблю.
Я знаю, что больней уже не будет.
И молча стисну зубы и стерплю.

Высасывает душу эта бездна.
По капельке из жизни ухожу.
Я не боюсь того, что я исчезну,
Отдав себя седому миражу.

Я не боюсь, что обо мне забудут
И не боюсь остаться миражом.
Видением в пустыне жаркой буду
Или прольюсь спасительным дождем,

Или уйду в деревья, в листья, в корни,
Зазеленею горькою травой.
Но пусть судьба мечту мою исполнит –
И мы еще увидимся с тобой.

Мы облаками в небе прикоснемся,
Росой сольемся в чашечке цветка,
В тугую почку тополя свернемся
И развернемся в два листка.

* * *

Тихо-тихо, сладко-сладко
Буду я тебя любить.
Как лучинка, как лампадка,
Для тебя в ночи светить.

Мне с тобой не будет трудно.
А сгорю... Сгорю, любя.
Даже пеплом помнить буду,
Как любила я тебя.

Разгорюсь я новым светом,
Тихо голову склоня.
Рядом с пламенным поэтом
Не заметите меня.

Как лучинка, как лампадка,
Пусть когда-то догорю.
Но любить я буду сладко.
Я не сладко не люблю.

Я ОТДЫХАЮ

Сижу. Ни о чем не мечтаю.
Не жду вдохновенной зари.
Я, как бегемот, отдыхаю.
И мысли ушли в пузыри.

То шелкнут, то лопнут, то охнут
Мечтами о чем-то пустом...
В болоте безделия мокну,
Ничуть не жалея о том.

Меня ничего не тревожит,
Как эту болотную смесь.
Какие-то птички-вопросы
Стремятся мне в ухо залезть.

На них с бегемотным величием
Ответить я не захочу,
Но сдержанно до неприличья
Отвечу – и снова молчу.

Тупым кособрюхим лентяем
Намерена я отдыхать.
Мы, только устав, понимаем,
Какое блаженство молчать.

* * *

Не говори, что берега
Рекою разделяются.
Не говори, что никогда
Они не повстречаются.

Все это – пройденный урок,
Простая аксиома.
Ее откроет каждый в срок,
Однажды разделенный.

Кто будет берегом любить,
Лежать у ног природы
И об одном ее молить,
Чтоб иссушила воды

Реки, что разделила их,
Поставила напротив.
Но есть ли дело до двоих
Насмешнице-природе?

Она творит без суеты,
Свободно, как художник.
Но для чего ж тогда мосты?
С природой спорить можно.

* * *

Умер брат. Я боялась молчать,
Потому что дрожала от боли,
Потому что пыталась понять,
Как, должно быть, ужасно в неволе
Тяжело одному умирать.

Я теперь, о деталях забыв,
Вспоминаю его одиночество.
Детство в памяти с плачем уносится
В огородные джунгли, и взыв,
Злым молчаньем, обидой разносится
Его первый душевный порыв.

Он под утро, замерзнув и выболев,
Возвращался к домашним углам.
Равнодушья разбросанный хлам
Его душу по капельке вызлобил,
Воспитав его не по годам.

Понял он, что уже не ребенок.
И его понесло, повело,
Раскачало, разбило, как волны,
Никогда и ни в чем не везло.
Понял он, что уже не ребенок...

Не везло. Его жизнь не любила.
Он и сам эту жизнь не любил.
Его сердце бездомное ныло,
Когда он о душе говорил.
Его жизнь никогда не любила.

Он ушел. Но осталось пожарище,
Горький запах обугленных стен,
Терпкий привкус бывшего раскаянья,
Черный ветер пустых перемен
Над залитым дождями пожарищем.

Умер он, не вставая с постели,
Никого не простив, не поняв,
Никакой не достигнувший цели,
От судьбы ничего не приняв.
Он ушел, как уходят метели.

АВГУСТ

Скоро солнце уже отцветет,
Отгуляет по синему лугу,
Вкруг него заведут хоровод
Стаи птиц, потянувшихся к югу.

Мы в саду соберемся большим.
Кто ведром загремит, кто бидоном.
И ранетки посыплются с громом
Золотым краснобоким дождем.

С яблонь падает сладкое чудо.
Ничего, что ударит в плечо.
Может, стану степенной и мудрой,
Постояв под упругим дождем.

Избалованный взрослый ребенок,
Я от яблонь удары стерплю.
Обязательно стану Ньютоном
И открытием всех удивлю.

* * *

Почему ты молчишь?
Где твое объясненье?
Почему не юлишь
И не просишь прощенья?
Почему мне в глаза
Так уверенно смотришь?
Что-то хочешь сказать?
Я же вижу, что хочешь.

Почему ты молчишь?
И не капли раскаянья.
Почему не вспылишь,
Как всегда, в оправдание?
Не смотри так легко,
Как ни в чем не бывало.
Ты сейчас далеко —
Это я отгадала.

Ты сейчас не со мной,
А со мною отчаянье.
Мне так больно одной
Слушать это молчание!
Ну, хотя бы солги,
Обмани мою душу!
А потом уходи
В эту белую стужу.

Уходи, как молчишь:
Одиноко и мудро.
В эту снежную тишь,
В это белое утро.

Пусть растрочу тепло,
Только дверь не закрою.
Ведь никто так легко
Не прощался со мною...

* * *

Когда я жду, я умираю:
Свечою тихою горю,
Иду, пути не разбирая,
Сама с собою говорю.

Когда я жду – я миг разлуки,
Я иступленный нервный шок.
Блуждает взгляд, немеют руки,
Я от беды на волосок.

Я жду, как боль, что неотступно
Терзает, мучает, грызет.
Когда я жду, мне очень трудно.
Ведь он меня совсем не ждет.

* * *

Отпусти ты меня. Отпусти.
Все, что хочешь, за то проси.
А за боль и обиды прости.
Отпусти же меня. Отпусти.

Отпусти, как века – миг,
Отпусти, как душа – крик,
Отпусти, как глаза – слезу,
Отпусти, как дитя в грозу.

А дитя во грозе – страх.
А душа при слезе – мрак.
Отпусти ее. Освети.
А за боль и обиды прости...

ВЕРЮ В ТЕБЯ

Я верю так, как сыплет снег:
Безудержно и беспричинно,
Светло и девственно - невинно,
Полузагадочно для всех.

Я верю так, как не дано
Другим – и в этом моя сила.
Я верю так. Мне все равно.
И пусть не я тебя любила

Когда-то, и не я была
С тобой несправедливо близкой.
Я и во благо не лгала,
Сгорая до последней искры,

Что завершает жизнь свечи.
Дойду до хохота немого,
До сумасшествия в ночи,
До слез, до крика-полуслова.

И мне сто раз не до себя
И двести раз не до другого!
Я верю в сильного тебя,
А, разуверившись, готова

Я себя корить, за то,
Что веру потеряла.
У Бога милости просить,
Поверить. И начать сначала.

* * *

Разлетись и разбейся, в объятья грозу заключи!
Жги мою непокорную грубо надменную душу!
Только больше вот так никогда-никогда не молчи,
Не прощай ты меня! Этим не приучай к
равнодушию.

Не молчи о тоске. Ты открой свое сердце доверью,
Расскажи мне о том, как ты можешь вот так вот
молчать?
Как ты можешь уйти и не хлопнуть с досадою
дверью?
Как ты можешь обиды, такие обиды прощать?!

Расскажи же, за что, за какие такие заслуги
Ты меня бережешь, не швырнешь, изломав, под
порог?
Почему твои теплые, как всепрощение, руки
Никогда, даже вдруг, не покажут своих кулаков?

Почему ты такой? Ты меня этим только пугаешь.
Ты не ангел, я знаю. Ты так же, как я, человек.
Почему же ты терпишь? И снова, и снова
прощаешь?
Не смыкает усталость твоих опечаленных век,

Не страшит тебя осень и холод зимы наступившей,
Не отчаешься тем, что любовь не вернется теперь.
Видно, смог ты понять, что всегда кто-то должен
быть лишним.
И поэтому долго глядишь на закрытую дверь.

ДОМОВОЙ

То ли ночью, то ли днем
Я его увидела?
То ли явью, то ли сном?
Знаю – не обидела.

Страшно, холодно зимой.
Окна занавесила.
Чу, хихикнул Домовой,
Только мне не весело.

Чаю с мятою напьюсь
В эту ночь морозную,
В одеяло завернусь –
Все равно замерзну я.

Что-то стукнуло во тьме...
Матерь моя Божия!
Кто там ходит при луне?
Что еще за рожа-то?

«Я», - хихикнул Домовой.
Что-то мне не верится.
Ну, да ладно, черт с тобой!
Залезай, согреемся!

Вот уже и пятый час,
И не стало ночи.
Только помню, как сейчас,
Домовой хохочет:

«Ну, ты, мать моя, дала!
Чаю натянулась.»

Дверь открыла и пошла,
Даже не проснулась.

Я тебе привез духи
Из командировки.
Слышь, ты не пиши стихи,
А то мне неловко.

Нынче ночью сам не свой
От твоих фантазий.
Все шептала: «Домовой!
Милый мой проказник».

ОДА НИТИ

Прошу, друзья, меня понять.
За стиль высокий извините.
Но мысли бег не удержать.
Хочу воспеть я оду нити.
О нить! Хвалу тебе пою,
Высоким штилем изъясняясь,
За жизнь достойную твою,
За то, что внешне изменяясь,
Ты сути не утратишь век,
Пройдешь любые испытанья.
Как слаб в сравненье человек
С твоею силой выживанья!
Вот ты прекрасна и прочна.
Тебя на службу призывают.
Ты для движения нужна.
Жонглеры ловко управляют
Своими куклами, а ты
Их крепко держишь за запястья,
Лишенных разума, мечты,
А нити к ним в руках у власти.
Хвала тебе! Живи в веках!
Ты можешь многого добиться.
Недаром ты уже в стихах,
Но это ли тебе граница?!
Смутив рассудок и покой,
Как мысль, проходишь нитью красной
Сквозь толщу слов. В толпе тупой
Призывом станешь громогласным.
Но, нить! В руках у Правоты
Ты служишь для святого дела:
Рисуешь рожу клеветы
На черном фоне нитью белой!

Ты в дождь уходишь проливной,
Свисая нитями прохлады,
Даешь глоток земле сухой
Такой желанный. И награды
Не ждешь. А тихо, в полутон
Сплетаешь нити поколений.
А тем, кто первый раз влюблен,
Ты хрупкий мостик откровений.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Первый снег	4
Начало	5
У судьбы два имени... ..	6
Сны о прошлом	7
По краешку, по краю... ..	8
Молитва	10
Сон эмигранта	11
Идут ветераны	13
Любимый!	14
Не отвечай вопросом на вопрос... ..	15
Ты мой. Понимаешь? Мой.	16
А завтра?	18
Нехорош мой сон. на беду.	19
Меня сто лет приговорили жить.	20
Заезжему артисту	21
Будет праздник между дел	23
Благодарю судьбу за непокой	24
За чертой	25
О сне	26
Когда один останешься под вечер	27
Ты отрекаешься? Не надо.	28
Сыну	29
Одна	30
Ушла любовь	32
Перед весной	33
Диалог	34
Розовая свадьба	35
Светлое воскресенье	36
Бумага	37
Детство мальчишки	39
Маме	41

Ты меня не люби	43
Капли	44
К зиме	45
Отомстила осень	46
Я смолчу. Не подам тебе повода... ..	47
Я тебя никогда не пойму... ..	48
Старый телефон	49
Дочурка	50
Неудачное гаданье	51
После солнца – усталость... ..	53
Последние листья	54
Не вдвоем	56
Вставал, уходил, возвращался... ..	57
Мне больно. Больно мне теперь... ..	58
На родине	59
К солнцу	60
Без меня	61
Горячий разговор	62
Посадите меня в «одиночку»... ..	63
Вырубает, считаем, шагаем... ..	64
Колдунья	65
Тени, тени, тени	66
Поэт и клоун	67
Поставлены напротив зеркала	68
Школьный вечер	69
Рассекретились	70
Успею ли?	71
Вслед за счастьем	73
Деревня	74
Забродило, заелозило	75
Письмо	76
Петербургу	77
Точка	78
Прощание	79

С ветром вдвоем	81
Восклицательный знак	82
Я не могу понять того, в чем каюсь... ..	84
Тихо-тихо, сладко-сладко	85
Я отдыхаю	86
Не говори, что берега	87
Умер брат	88
Август	90
Почему ты молчишь?	91
Когда я жду, я умираю... ..	93
Отпусти ты меня.	94
Верю в тебя	95
Разлетись и разбейся... ..	96
Домовой	97
Ода нити	99

Людмила Анатольевна Ветрова
Ведьмин круг
стихи

Редактор В. Волковец
Технический редактор Р. Завадская
Рисунки А. Куликовой

Сдано в набор 20. 04. 2000 г.
Подписано в печать 19. 05. 2000 г.
Формат 60x80/16. Печать офсетная
Условных печатных листов 4,5
Тираж 250
Лицензия ИД №01441 от 5. 04. 2000 года.

УП ХМАО «Советская типография»
628240, г. Советский
Ханты-Мансийский АО
ул. 50 лет Пионерии 11 «в»
тел. (34675) 3-10-84.

75702004
Окружная библиотека

